

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-196-215>
<https://elibrary.ru/DBNCUE>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"18"

© 2024. М. В. Скороходов

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Символика вишневого сада: между коммерческим проектом, усадьбой и дачей

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН
за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051,
<https://rscf.ru/project/22-18-00051/>*

Аннотация: Широкое распространение в различных регионах России и в разных локациях вишневых садов (помещичьи усадьбы, крестьянские наделы, постоялые дворы, кладбища, дачи советского времени и др.) нашло отражение в художественных произведениях русских писателей, а также в их дневниковых записях и эпистолярном наследии. В статье рассматриваются произведения А. К. Толстого, Л. А. Мея, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, С. А. Есенина, М. И. Цветаевой и других авторов, благодаря которым сформировалась символика вишневого сада. Поскольку выращивание саженцев и взрослых деревьев при умелом, но не очень обременительном уходе являлось коммерчески эффективным, вишневый сад символизировал благополучие и процветание. Урожай вишни позволял хозяевам продемонстрировать радушие — они угощали гостей разными кулинарными изделиями из ягод и наливками. Благодаря Чехову вишневый сад стал одним из символов русской усадьбы, а его гибель символизировала разрушение традиционного мироустройства. Вишневые сады также свидетельствовали об окультуривании ландшафта.

Ключевые слова: сад, вишневое дерево, Чехов, традиция, усадьба, дача, русская литература, поэзия, драматургия.

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 10.05.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 23.06.2024

Дата публикации статьи: 25.09.2024

Для цитирования: Скороходов М. В. Символика вишневого сада: между коммерческим проектом, усадьбой и дачей // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 196–215. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-196-215>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 196–215. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 196–215. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Maxim V. Skorokhodov

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The Symbolism of the Cherry Orchard: Between a Commercial Project, a Manor and a Dacha

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Abstract: The widespread of cherry orchards in different regions of Russia and various locations (landowners' estates, peasants' plots, inns, cemeteries, Soviet-era dachas, etc.) was reflected in the works of fiction by Russian writers, as well as in their diary entries and epistolary heritage. The article considers the works of Alexei K. Tolstoy, Lev Mey, Anton Chekhov, Ivan Bunin, Boris Zaitsev, Sergey Esenin, Marina Tsветаeva, and other authors who formed the symbolism of the cherry orchard. Since the cultivation of seedlings and adult trees with skillful but not very burdensome care was commercially effective, the cherry orchard symbolized prosperity and prosperity. The cherry harvest allowed the owners to show their hospitality: they treated their guests to various culinary products made of berries and liqueurs. Thanks to Chekhov, the cherry orchard became one of the symbols of the traditional Russian estate, and its death symbolized the destruction of the conservative world order. Cherry orchards testified to the domestication of the landscape.

Keywords: garden, cherry tree, Chekhov, tradition, manor, dacha, Russian literature, poetry, drama.

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

Received: May 10, 2024

Approved after reviewing: June 23, 2024

Published: September 25, 2024

For citation: Skorokhodov, M. V. "The Symbolism of the Cherry Orchard: Between a Commercial Project, a Manor and a Dacha." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 196–215. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-196-215>

Вишневые сады по распространенности и значимости занимали в России почетное второе место после яблоневых, что нашло отражение в произведениях русских писателей, а также в популярных во второй половине XIX в. брошюрах с практическими советами по выращиванию вишневых садов [Трусов], [Веселовский (1871)], [Веселовский (1887)], [Наставление...] и по переработке полученного урожая. Из вишни, кроме варенья, изготавливали множество других блюд. С соответствующими рецептами знакомили поваренные книги, растолковывавшие, как сделать из вишневых ягод желе, кисель, сироп, ягодную и подслащенную наливки (в сравнении с прочими, как отмечалось, «особенно хороша подслащенная наливка вишневая» [Новикова: 168]) и даже вишни в уксусе. В фотографическом деле использовался вишневый клей (см.: [Симоненко]). Замечательный «напиток, сделанный из вишневого сока со льдом» и получивший необычное название — «шерри гоблёр», изготавливал в своей усадьбе Борок вблизи Тарусы известный русский художник В. Д. Поленов [Поленова: 249]. И таких примеров можно привести множество.

Вишневые сады росли в самых разных местах — везде, где человек заботился о благоустройстве окружающего пространства и произрастанию вишни способствовали погодные условия. К тому же разведение садов с последующей продажей ягод или произведенных из нее товаров сулило немалую выгоду. На продажу порой выращивали и саженцы вишни. И неизменно различные, но всегда необычайно вкусные кушанья, изготовленные с использованием вишни, свидетельствовали о гостеприимстве и радушии хозяев, угощавших гостей вишневыми пирогами, вареньем, наливками и прочими произведениями кулинарного искусства.

О широком распространении вишневых садов свидетельствуют описания, сделанные путешественниками. Например, предпринятое в середине XIX в. путешествие во Владимир, жители которого

«занимаются с успехом садоводством, особенно же разведением вишен. При каждом почти доме есть вишневый сад. Владимирские вишни известны по всей внутренней России как лучшие. Вишни отправляются преимущественно в Москву и нередко вывозятся туда в такой степени, что Владимирские горожане принуждены бывают за ними ездить нарочно в Москву, для обратной покупки их там» [Мельников: 13–14]. Еще одно подтверждение широкого распространения вишневых садов в разных губерниях Российской империи — творческое наследие писательницы Марко Вовчок (Марии Александровны Вилинской), происходившей из обедневшей дворянской семьи и имевшей опыт усадебной жизни (детство она провела в селе Екатерининское Елецкого уезда Орловской губернии). В повести «Маруся» Марко Вовчок писала: «...известно всякому, что где поселится украинец с украинкою, там сейчас же зацветет вишневый садик около белой хатки...» [Вовчок: 2].

Из художественных произведений известно, что для Российской империи были характерны не только чисто вишневые сады, но и сочетание в саду разных растений, что создавало в период их цветения яркую и необычную картину. Как, например, в рассказе В. И. Востокова «Троицын день»: «Особенно любо смотреть на одну хатку, приютившуюся на задах в толпе душистых тополей и березок, за которою белой полоской раскинулся цветущий вишневый садик, окаймленный по краям голубой сиренью» [Востоков: 36].

В русской литературе одним из первых к образу вишневого сада обратился А. К. Толстой в стихотворении 1858 г.:

Источник за вишневым садом,
Следы голых девичьих ног,
И тут же оттиснулся рядом
Гвоздями подбитый сапог.

Все тихо на месте их встречи,
Но чует ревниво мой ум
И шепот, и страстные речи,
И ведер расплесканных шум...
<1858> [Толстой: 214].

Произведение было положено на музыку [Кириакова], что сделало его достаточно известным. Детали — босоногая девушка, старающаяся скрытно добраться до места встречи, и ее более богатый кавалер в подбитых гвоздями сапогах — свидетельствуют о социальном неравенстве влюбленных, подробности их романтических отношений не раскрываются. У Толстого, как и в целом ряде других произведений XIX в., нет прямого соотнесения вишневого сада с усадебным топосом. Это, скорее, топос деревни. Как известно, многие владельцы усадеб, отправляясь в свои владения, говорили, что едут «в деревню». Достаточно вспомнить реплики героев комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова: Чацкого («Движенья более. В деревню, в теплый край. / Будь чаще на коне. Деревня летом рай» [Грибоедов: 75] и Фамусова («В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» [Грибоедов: 120]).

У Толстого окрестности вишневого сада, точнее источник за ним — место романтических встреч, подобное тому, которое возникает за калиткой (за воротами) усадьбы или даже на отдаленных от главного усадебного дома аллеях парка. Так, у А. А. Блока прощание героев происходит «в аллее дальней» (стихотворение «Прощались мы в аллее дальней...»; 24 июля 1899 г.) [Блок 4: 88], т. е. на границе усадебного мира.

«Вишневый садик» становится местом развития лирического сюжета в стихотворение Т. Г. Шевченко «Садок вишневый коло хати...» из цикла «В казематі», в переводе Л. А. Мея — «Вишневый садик возле хаты...» (1859):

Вишневый садик возле хаты;
Жуки над вишнями гудят;
Плуг с нивы пахари тащат;
И распеваячи девчаты
Домой на вечерю спешат.

Семья их ждет, и всё готово;
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает,
А мать сказала бы ей слово,
Да соловейко не дает [Мей: 571].

Здесь вишневый сад — яркая примета деревенской жизни. Хотя время года не названо, гудящие над вишнями жуки и усердно поющий соловейко позволяют однозначно его определить. Во второй половине XIX в. это стихотворение получило широкую известность благодаря П. И. Чайковскому, положившему его на музыку [Чайковский].

Поскольку речь зашла о музыкальных сочинениях, отметим и другие популярные произведения, в которых упоминаются вишневые деревья. Среди них «Ой казали враже люди...» со словами:

Ой казали враже люди,
Що я замуж не пийду.
Посияла василечки
По вишневому саду;
И Васильки мои
И Василь при мени... [Балтийский маяк: 241].

и «Ой пид вишнею, пид черешнею...», где приведен диалог девушки с дедом:

— Пусти мне старый диду на юлицу погуляти?
— Ой я й сам не пийду и тебе не пуцу:
Хочешь мне старинького, да покинути!
Ой не кидай мене, моя голубочка!
Куплю тебе хатку еще синожатку,
И станок и млинок и вишневий садок.
— Ой не хочу хатки и не синожатки,
Ни станка, ни млинка, ни вишневого садка.
Ой, ты старый дидуга, изогнувся, яки дуга,
А я молодешенка гуляти радешенька [Балтийский маяк: 255].

Вишневый сад выступает здесь как важная составляющая крестьянского хозяйства, которая ценится наряду с домом — «хаткой». Девушка не соглашается на щедрый подарок деда, предпочитая материальным благам свободу.

Значительное внимание вишневым садам уделял и А. П. Чехов, причем на протяжении всего своего творческого пути. Он упоминает «вишневый садик» уже в повести «Степь (история одной поездки)»

(1888): «Несколько в стороне от него <степного бурьяна. — М. С.> темнел жалкий вишневый садик с плетнем, да под окнами, склонив свои тяжелые головы, стояли спавшие подсолнечники. В садике трещала маленькая мельничка, поставленная для того, чтобы пугать стуком зайцев. Больше же около дома не было видно и слышно ничего, кроме степи» [Чехов. С. 7: 30]. Именно этот небольшой садик из вишен привлекает путешественников на постоялом дворе Мойсея Мойсеича. «Степь» — одно из первых крупных произведений писателя, который только пробует себя в жанре повести. «От непривычки писать долго, из постоянного, привычного страха не написать лишнее я впадаю в крайность. Все страницы выходят у меня компактными, как бы пресованными; впечатления теснятся, громоздятся, выдавливают друг друга...» [Чехов. П. 2: 173], — делился Чехов мыслями о сложностях писательского труда в письме к Д. В. Григоровичу от 12 января 1888 г. Так что и описание крошечного садика предельно краткое, но оно создает запоминающуюся картину. Вишни придают уют и другому топосу — сельскому кладбищу. Оно «уютное, зеленое», «обнесенное оградой из булыжника; из-за ограды весело выглядывали белые кресты и памятники, которые прячутся в зелени вишневых деревьев». Этот «уютный» пейзаж вызывает у героя повести Егорушки воспоминания о незабываемом, дарящем особые ощущения периоде цветения вишен: в это время белые пятна крестов и памятников «мешаются с вишневыми цветами в белое море». В период же созревания плодов «белые памятники и кресты бывают усыпаны багряными, как кровь, точками» [Чехов. С. 7: 14]. Автор показывает, что рукотворные могильные сооружения, воздвигнутые в память об умерших родственниках, украшаются то белыми цветами вишни, то красным соком ее ягод. Деревца становятся стражами предков, о чем мы узнаем уже в экспозиции повести: «За оградой под вишнями день и ночь спали Егорушкин отец и бабушка Зинаида Даниловна» [Чехов. С. 7: 14]. Мысли о бабушке, неоднократно возникавшие у мальчика, были связаны именно с этими деревьями: «Егорушка думал о бабушке, которая спит теперь на кладбище под вишневыми деревьями» [Чехов. С. 7: 66]. Как видим, вишневые деревья присутствуют в повести в двух топосах и неизменно оживляют их — на постоялом дворе и на кладбище. Другие, кроме вишни, плодовые деревья в «Степи» не упоминаются (только груши как созревшие плоды, которые продает с лотка старуха). Напомним, что вишневые де-

ревья не обязательно нуждаются в тщательном уходе — они продолжают не только расти, но и цвести и плодоносить даже на заброшенных участках, что мы видим, например, в повести И. С. Шмелева «Стена» (1910), в которой упоминается одичавшая вишня в саду.

Для Чехова весенний вишневый сад — это мелкие цветы, сливающиеся в белое венчалное платье невесты, как в рассказе «Попрыгунья» (1891): «Артист говорил Ольге Ивановне, что со своими льняными волосами и в венчалном наряде она очень похожа на стройное вишневое деревцо, когда весною оно сплошь бывает покрыто нежными белыми цветами» [Чехов. С. 8: 8]. А период созревания вишни ассоциируется с ароматами вишневого варенья, как в рассказе «В родном углу» (1897), молодая героиня которого, Вера, отправляется в усадьбу к тете и деду. И там вдыхает характерные для летней усадебной жизни запахи: «В саду пахло горячими вишнями. Уже зашло солнце, жаровню унесли, но все еще в воздухе держался этот приятный, сладковатый запах» [Чехов. С. 9: 321]. Отметим, что с этим кушаньем связана сохранившаяся в записной книжке первая запись Чехова, относящаяся к этому рассказу, над которым он работал в Ницце: «Варенье. Молодая, недавно вышедшая дама варит варенье» [Чехов. С. 17: 41]. В самом рассказе варенье варит не Вера, а ее тетя — Даша.

Вишни на кладбище в зимнее время описаны в рассказе «Старость» (1885), герой которого Узелков восклицает: «Хорошенькое у нас кладбище <...>. Совсем сад!» [Чехов. С. 4: 228]. Зимнее кладбище во многом благодаря вишневым деревьям уподобляется саду, по сути — вишневому саду. В рассказе «Воры» (1890) наличие вишневого сада — одно из свидетельств крепкого крестьянского хозяйства.

Чехов, поселившись в Мелихове, завел свой вишневый сад и много потрудился для этого. В письмах он сообщал своим корреспондентам: «Когда я в лесном участке (150 дес<ятин>) построю хутор, там будет у нас проточная вода. Я заведу там пчел, 2000 кур, вишневый сад и буду жить, как старец Серафим» [Чехов. П. 5: 60].

В пьесе Чехова 1903 г. слово *вишневый* используется не только в ее заглавии, но уже в первой ремарке, характеризующей место действия — «Рассвет, скоро взойдет солнце. Уже май, цветут вишневые деревья, но в саду холодно, утренник. Окна в комнате закрыты» [Чехов. С. 13: 197]. Цветение вишневых деревьев становится одним из важнейших событий весны. Неслучайно они впервые упоминаются как цветущие,

несмотря на явно не благоприятствующую их цветению погоду (см. реплику Епиходова: «Сейчас утренник, мороз в три градуса, а вишня вся в цвету...» [Чехов. С. 13: 198]).

В написанном в том же 1903 г. стихотворении И. А. Бунина «Над Окой» (сопоставление названных произведений Чехова и Бунина см. в статье А. П. Кузичевой [Кузичева: 141–142]), впервые опубликованном под этим заглавием в 1904 г. (в последующем — под заглавием «Запустение»), вишневый сад («вишенник») предстает как часть осеннего пейзажа и служит развитию центральных мотивов стихотворения — запустения, тоски, умирания серого дня и осеннего умирания природы:

Я уставал, кругом все лес пестрел,
Но вот на перевале, за ложиной,
Фруктовый сад листвою закраснел,
И глянул флигель серою руиной. <...>

В тиши звенел он <самовар> чистым серебром,
А я глядел на клены у балкона,
На вишенник, красневший под бутром...
Вдали синели тучки небосклона [Бунин: 119–120].

Цветение вишни — одно из наиболее заметных событий как в крестьянском земледельческом календаре, так и в восприятии обитателей усадеб. Душистое белое покрывало, накинутое на ветви деревьев, никого не могло оставить равнодушным. Нередко окна комнат выходили в вишневый сад, как в рассказе И. А. Бунина «В поле» (1895): «Одна половина дома, окнами на двор, состоит из девичьей, лакейской и кабинета среди них; другая, окнами в вишневый сад, — из гостиной и залы» [Бунин: 337].

Обильное цветение дерева — это не только улада для глаз (как, например, цветение сирени и жасмина), но и залог будущего обильного урожая. Именно благодаря возможности практического использования, а также в силу малой трудоемкости ухода вишневые деревья росли как в помещичьих усадьбах, так и на крестьянских наделах.

Вишневый сад становится одним из важных элементов сельской идиллии. Если у Толстого он связан с любовными мотивами, то для Мея более важной является природная составляющая — сад не только

вишневый, но и соловьиный (этот мотив найдет развитие у А. А. Блока — в его поэме «Соловьиный сад» (1915) (см. подробнее: [Скороходов]). В комедии Чехова 1903 г. вишневый сад становится символом погибающего ради создания дач усадебного мира (см. об этом [Виноградова]; а также: [Катаев], [Димитров]), однако вишневые сады — характерная примета дачной жизни, во многом заместившей собой усадебную жизнь, что нашло отражение в произведениях русской словесности.

Об уникальности вишневого сада, описанного в пьесе Чехова, и его значимости свидетельствуют реплики персонажей — Любви Андреевны: «Если во всей губернии есть что-нибудь интересное, даже замечательное, так это только наш вишневый сад»; Лопухина: «Замечательного в этом саду только то, что он очень большой»; Гаева: «И в “Энциклопедическом словаре” упоминается про этот сад» [Чехов. С. 13: 205]. Интересными представляются исследования литературоведов, в которых делается попытка установить площадь имения Раневских, в частности, вишневого сада (см.: [Русакова]). П. Н. Долженков на основе анализа текста обоснованно полагает, что площадь вишневого сада составляла около 900 гектаров [Долженков: 33], исследователь приходит к выводу о том, что это «громчайший коммерческий сад, монотонный и однообразный. Он не имеет отношения к дворянскому саду как части дворянской культуры» [Долженков: 34]. Однако отметим, что экономическая рентабельность хозяйства (в том числе усадебных садов) не противоречит традиционной дворянской культуре, в основе которой, если говорить о жизни в усадьбе, гостеприимство (внимание к приезжающим гостям — соседям, родственникам и друзьям), совместное времяпрепровождение (чтение вслух и обсуждение прочитанного, музицирование, прогулки по парку и саду), обсуждение вопросов, связанных с текущей политической обстановкой, часто — чтение газет и другой корреспонденции и проч. Рентабельность усадебного хозяйства, которой особенно сложно было достичь после отмены крепостного права, способствовала сохранению усадьбы в собственности и ее процветанию. В противном случае усадьбы постепенно приходили в упадок, их приходилось закладывать в банк и продавать.

М. Ч. Ларионова и Н. Е. Тропкина справедливо отмечают, что «символическое значение образа сада в чеховской пьесе складывается

из нескольких мифологем: дерево, вишня, сад, цветение» [Ларионова, Тропкина: 78]. Символика пьесы, которая ставится в театрах многих стран мира, в иноязычной аудитории нередко значительно расширяется, вступая во взаимодействие с традициями тех или иных народов. Так, например, японский исследователь Сасаки Тэрухиро отмечает, что пьеса Чехова «обогащается у японцев фантастическим смыслом, означающим брэнность сего мира. <...> вишня символизирует собой также и почетную гибель на войне. Идеалом для наших воинов является смерть, сходная с красивым падением вишневых лепестков» [Сасаки: 543].

В статье мы не анализируем произведения современных писателей, обращающихся к *мотивам* «Вишневого сада» Чехова. Это связано как со спецификой задач, решаемых в данной работе, так и с наличием ряда исследований на эту тему. Так, роман А. Сиповского «Мой вишневый садик» подробно рассмотрен в статье Г. Г. Рамазановой и А. А. Файзрахмановой [Рамазанова, Файзрахманова]. Это же произведение, а также пьесу Л. Улицкой «Русское варенье» анализирует К. Д. Гордович [Гордович], последний из названных текстов — также А. Н. Ярко [Ярко]. Поэтические произведения, в которых можно проследить символику чеховской пьесы, охарактеризованы в работах А. С. Бокарева [Бокарев], Н. Е. Тропкиной и М. Ч. Ларионовой [Тропкина]; [Ларионова, Тропкина], А. Г. Бондарев обращается к рассмотрению в названном ракурсе творчества Т. Кибирова [Бондарев].

Про коммерческие сады Чехов писал, кроме «Вишневого сада», и в других произведениях. Один из наиболее показательных в этом отношении текстов — «Черный монах», создание которого связано с вероятным пребыванием писателя в усадьбе С. Н. Худекова Ерлино Рязанской губернии. Даже если Чехов и не смог побывать в гостях у владельца усадьбы, в том числе не присутствовал на свадьбе его сына с дочерью А. Н. Плещеева (сохранилось приглашение Чехова на эту торжественную церемонию, состоявшуюся в Ерлине), то он многократно встречался с Худековым — как автор «Петербургской газеты» с ее издателем. Супруга Худекова — Надежда Алексеевна — отмечала, что Чехов, приобретя Мелихово, всерьез заинтересовался садоводством и, беседуя с Худековым, «спрашивал и о прививках, и про окулировки», наблюдал «дым, стелющийся по питомнику от костров, которые разводили для предохранения растений от весенних морозов»; «Чехов, как

сам говорил потом, тогда же задумал своего “Черного монаха”, полного вдохновения и жуткой красоты» [Худекова].

В «Черном монахе» вишневые деревья упоминаются лишь единожды — «Коврин и Таня прошли по рядам, где тлели костры из навоза, соломы и всяких отбросов, и изредка им встречались работники, которые бродили в дыму, как тени. Цвели только вишни, сливы и некоторые сорта яблонь, но весь сад утопал в дыму...» [Чехов. С. 8: 228], хотя о садах, приносящих немалую прибыль, говорится неоднократно. Усадьба Худекова была высокорентабельным хозяйством. Ее владелец известен, в частности, тем, что в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже был награжден Золотой медалью за создание оригинального усадебного комплекса с прудами и парком-дендрарием, насыщенного малыми архитектурными формами. На этой выставке Россия была представлена, среди прочего, как страна, в которой с успехом культивировались вишневые сады. Департамент земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ Российской империи представил на выставке коллекцию рисунков, характеризовавших «русский плодовый яблочный и вишневый сад с промежуточной культурой овощей» [Всемирная выставка: 190]. Общая площадь усадьбы Ерлино составляла 3300 десятин (3021 гектар), там имелся «питомник плодовых деревьев»: 164 сорта яблоней и груш, разных сортов сливы и вишни» [Краткие справочные сведения...: 201], саженцы в котором выращивались на продажу.

Чехов высаживал в своих садах вишневые деревья, поэтому прекрасно знал об особенностях их цветения, развития и о возможностях коммерческого использования. Он писал 7 июня 1892 г. из Мелихова В. О. Шехтелю: «Третьего дня заказал я 50 вишневых дерев и 100 кустов сирени. Хозяйство мое мне нравится <...> После дождя у нас стало добропорядочно. Много зелени, но больше всего вишен. Вишен тьма-тьмушая» [Чехов. П. 5: 74]. И почти три года спустя, 8 мая 1895 г., Н. А. Лейкину — о проблемах, связанных с сохранностью посаженных деревьев: «В саду и на огороде у нас кипит работа. Сажаем, сеем и брашим мышей, которые у нас испортили половину вишневых деревьев» [Чехов. П. 6: 60].

В рассказе Б. К. Зайцева «Притыкино» (1929) цветущие яблоневый и вишневый сады создают особую атмосферу знакомства с усадьбой, в которую рассказчик и его отец приезжают, намереваясь ее купить:

«Был полдень, только что прошел дождь, солнце блеснуло, наша тройка влетела в усадьбу, остановилась у флигелька. Между ним и домом яблоневый и вишневый сад залит белым цветением, густой нежный запах плывет оттуда, капли падают и блестят в пестром солнце» [Зайцев: 48]. «Большой дом», в который управляющий повел приехавших покупателей, создавал совсем иное впечатление — запустенья. Однако в дом врвался цветущий жасмин. И все это весеннее цветение и благоухание в конечном счете стало определяющим при принятии решения о покупке усадьбы: «...осталось в памяти майское Притыкино. Оно прельстило нас обоих сразу — нехитрое именище, но уютная усадьба с очень милым выражением лица» [Зайцев: 48]. К этой теме Зайцев обращался и раньше — текст рассказа «Притыкино» частично совпадает с текстом рассказа писателя «Земная печаль» (1915).

В том же году, когда Зайцев в эмиграции с ностальгией вспоминал об усадьбе Притыкино, Ю. К. Олеша написал рассказ «Вишневая косточка», давший название его сборнику 1931 г. Действие произведения начинается на даче в гостях у Наташи, которая угощала своих гостей вишней. Повествователь Федор оставил вишневую косточку во рту, а затем посадил ее, надеясь, что в невидимой стране как символ любви вырастет вишневое дерево. Однако эта невидимая страна не учитывает главное — План, который должен определять все процессы: герой с говорящим именем Авель рассказывает экскурсантам о том, что на месте того пустыря, на котором закопал косточку Федор, будет расположен полукругом новый корпус, а всю внутренность двора заполнит сад. Так косточка, сохраненная и посаженная в память о неразделенной любви, может стать частью сада. Олеша рассматривает в качестве символа семя вишни, судьба которого столь же непредсказуема, как и судьба любви.

Для писателей советского времени вишневые деревья являются не только символами, но и реальными растениями, требующими внимания. Так, друживший с Олешей К. Г. Паустовский, 20 мая 1943 г. сообщая из Солотчи С. М. Навашину о работе в саду, отмечал: «В саду, несмотря на то что мы спилили на дрова высохшие яблони (они заражают сад гусеницей), уже хорошо — распускается на беседке дикий виноград, отцветают вишни, цветет райское яблоко — все очень мшистое, старенькое и трогательное» [Паустовский 9: 229]. Светлые воспоминания о вишневом саде сближали писателей, вышедших из раз-

ных сословий. Так, С. А. Есенин в маленькой поэме «Письмо к сестре» (<1925>) с грустью зафиксировал огорчившую его в свое время гибель вишневых деревьев, интересовался их судьбой:

Ну как теперь ухаживает дед
За вишнями у нас, в Рязани? <...>
Отцу картофель нужен.
Нам был нужен сад.
И сад губили,
Да, губили, душка!
Об этом знает мокрая подушка
Немножко... Семь...
Иль восемь лет назад [Есенин 2: 156–157].

Много позже о своем деревенском детстве в Смоленской губернии вспоминал и другой выходец из крестьян — А. Т. Твардовский. В дневниковой записи от 17 октября 1961 г. он зафиксировал «слои воспоминаний», вызванных недавней поездкой на родину, — «на месте уже ничего не узнать, не найти, кроме единственной нашей сажалки <...> да вишневого застарелого куста на бывшем дворце, которого я не помнил» [Твардовский 1: 58]. О том же — в записи от 1 октября 1966 г., сделанной на даче в Красной Пахре: от хутора почти ничего не осталось, «только одна отметка — полузаросшая сажалка, — вишня, обгрызанная и обломанная на месте двора, — мне даже не помнится, м. б., посажена уже после меня» [Твардовский 1: 480]. Связанные с родиной воспоминания воплотятся в планы: «Мысли о рассказе. — Необычные черты послевоенного пейзажа Смоленщины — остатки одичавших садов в полях — на месте бывших хуторских и деревенских усадеб, — необычная пестрота тронутых осенью красок вишневой, кленовой листвы. Зачахнувшие, обгрызенные сиреньки» (запись от 23 декабря 1963 г. [Твардовский 1: 219]). Сходные воспоминания, только связанные с жизнью в Тарусе, оставила и М. И. Цветаева в рассказе «Кирилловны» [Цветаева].

Как видим, вишневые деревья, которые даже в небольшом количестве образовывали вишневый садик, на протяжении нескольких столетий вызвали личный и творческий интерес русских писателей. Это связано с ярким весенним цветением вишневых деревьев,

распространяемым ими ароматом и обилием сочных манящих плодов летом. В художественных текстах, дневниковых записях и письмах вишневым садам уделяется усиленное внимание, что в значительной степени объясняется их широкой распространенностью — вишневые деревья росли и в помещичьей усадьбе, и на крестьянских наделах, и на постоянных дворах, и на кладбищах, и на дачах советского времени. Поскольку вишневые деревья, которые не требовали больших усилий для выращивания, могли приносить немалую прибыль и обеспечивать владельцев различными кулинарными изделиями, наличие вишневого сада становилось символом благополучия и процветания. Вишневые сады свидетельствовали об окультуривании ландшафта, символизировали его освоенность. Благодаря произведениям отечественной словесности, прежде всего чеховскому «Вишневому саду», вишневые деревья и сады стали восприниматься как один из символов русской усадебной культуры и, соответственно, их гибель — как трагическое событие, свидетельствующее о разрушении традиционного мироустройства.

Список литературы

Источники

- Балтийский маяк: Всеобщий песенник... М.: Куприянов, 1877. 371 с.
- Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.; СПб.: Наука, 1999. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1897–1915) / отв. ред. А. М. Грачева, Н. В. Лощинская. 622 с.
- Бунин И. А. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 1: Стихотворения (1888–1911); Рассказы (1892–1901). 576 с.
- Веселовский К. А. О разведении вишневых садов: сост. по многолетней практике вязниковских садоводов. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1871. 20 с.
- Веселовский К. А. О разведении вишневых садов: сост. по многолетней практике вязниковских садоводов и 20-тилетней собственной. 2-е изд., значительно переделанное и дополненное рисунками. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. 35 с.
- Вовчок М. Маруся / пер. с малороссийского. СПб.: С. В. Звонарев, 1872. 132 с.
- Востоков В. И. Светлое и темное: рассказы из народного быта. 3-е изд. М.: А. Д. Ступин, 1900. 80 с.
- Всемирная выставка. Русский отдел (1900; Париж). Каталог Русского отдела на Всемирной Парижской выставке 1900 г. СПб., 1900. 485 с.
- Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: в 3 т. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1: Горе от ума / подгот. текста и коммент. А. Л. Гришунина; науч. ред. С. А. Фомичев; ред. Д. М. Климова. 345 с.
- Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Наука: Голос, 1995–2002.
- Зайцев Б. К. Отблески вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2018. 736 с.
- Кириакова А. М. Два романа [«Уж ласточки, кружась»: Ор. 9; «За вишневым садом»: Ор. 8]: для голоса с фортепиано / слова А. Толстого. СПб.: М. Бернгард, 1886. 7 с.
- Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. 2-е изд. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900. Вып. 1. 476 с.
- Мей Л. А. Сочинения. СПб., 1863. Т. 3: Лирические стихотворения. 642 с.
- Мельников П. И. Описание городов путешествия Александра II в 1858 г. по России; Вып. 1–14. [Б. м.]: [Б. и.], 1858. 172 с.
- Наставление для правильного разведения и содержания вишневых садов по усовершенствованной методе владимирских садовников, считающейся лучшею перед многими донныне известными методами, с указанием разных современных способов. СПб.: Вольф, 1858. 117 с. (Карманная хозяйственная библиотека. Серия 3. Т. 3. Кн. 1).
- Новикова Е. Новая поваренная книга: Полнейшее руководство к изучению поваренного искусства: Подарок молодым хозяйкам... М.: Е. А. Губанов, 1893. 319 с.
- Паустовский К. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986.
- Поленова О. Поленовские рисовальные вечера // Тарусские страницы. Лит.-худож. илл. сб. Калуга: Калужское кн. изд-во, 1961. С. 249–251.

Симоненко П. Ф. Промышленная фотография: Применение фотографии к графическому искусству. Необходимая настольная книга... М.: Тип. Н. Н. Булгакова, 1901. 452 с.

Твардовский А. Т. Новомирский дневник: в 2 т. М.: ПРОЗАиК, 2009.

Толстой А. К. Полное собрание стихотворений. Драммы, поэмы, повести, баллады, баллады, притчи, песни, очерки: 1855–1875. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1877. 552 с.

Трусов А. Я. Разведение вишневых садов... М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1897. 20 с.

Худекова Н. Мои воспоминания о Чехове // Петербургская газета. 1914. 2 июля. № 178.

Цветаева М. И. Кирилловны // Тарусские страницы. Лит.-худож. илл. сб. Калуга: Калужское кн. изд-во, 1961. С. 252–254.

Чайковский П. И. Вечер = Steh'n höhe Bäume um die Hütte [Ноты]: «Вишневый садик возле хаты...»: для меццо-сопрано [с сопровождением фортепиано]: ор. 27, № 4 / слова Мея. М.: П. Юргенсон, 1896. 5 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

Исследования

Бокарев А. С. «Вишневый сад» А. П. Чехова в русской поэзии второй половины XX – начала XXI в. // Последняя пьеса Чехова в искусстве XX–XXI вв. М.: Гос. центр. театр. музей им. А. А. Бахрушина, 2016. С. 172–178.

Бондарев А. Г. Мифологема «Вишневый сад» в поэзии Т. Кибирова // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. № 5. С. 49–53.

Виноградова Е. Ю. Гибель символа (вишневый сад: реальность и символика) // Новый филологический вестник. 2008. № 1 (6). С. 166–175.

Гордович К. Д. Обращение современных авторов к мотивам «Вишневого сада» // Чеховские чтения в Ялте. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. Вып. 23: Изучение чеховского наследия на рубеже веков: взгляд из XXI столетия: сб. науч. тр. / под ред. О. О. Пернацкой. С. 122–131.

Димитров Л. ВСЕ-ВЫШНЕВЫЙ САД // Чеховиана. «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад». М.: Наука, 2005. С. 391–399.

Долженков П. Н. «Как приятно играть на мандолине!»: о комедии Чехова «Вишневый сад». М.: МАКС Пресс, 2008. 184 с.

Катаев В. Б. «Вишневый сад» как элемент национальной мифологии // Чеховиана. «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад». М.: Наука, 2005. С. 9–18.

Кузичева А. П. Отзвук «лопнувшей струны» в поэзии «серебряного века» // Чеховиана. М.: Наука, 1996. Вып. 5: Чехов и «серебряный век». С. 138–149.

Ларионова М. Ч., Тропкина Н. Е. «Чеховская декорация»: «Вишневый сад» в русской поэзии XX – начала XXI века // Slavica Debrecen. 2020. Vol. 49. P. 75–82.

Рамазанова Г. Г., Файзрахманова А. А. «Мой вишневый садик» А. Славовско-го: современная трансформация чеховской драматургии // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 53–56. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.10>

Русакова Е. А. П. Чехов. «Вишневый сад» // *Литературная учеба.* 1986. № 5. С. 165–177.

Сасаки Т. Мак и вишня в «Вишневом саду» // *Чеховиана. «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишнёвый сад».* М.: Наука, 2005. С. 543–553.

Скороходов М. В. Сад эдемский — усадебный — дачный в русской литературной традиции // *Вестник славянских культур.* 2023. № 69. С. 248–256. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-248-256>

Тропкина Н. Е. Художественная семантика дачного топоса в русской поэзии второй половины XX в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2012. № 4 (68). С. 128–132.

Ярко А. Н. Судьба вишневого сада в пьесе Л. Е. Улицкой «Русское варенье» // *Последняя пьеса Чехова в искусстве XX–XXI веков: Коллективная монография.* М.: Гос. центр. театр. музей им. А. А. Бахрушина, 2016. С. 166–171.

References

Bokarev, A. S. “‘Vishnevyy sad’ A. P. Chekhova v russkoi poezii vtoroi poloviny XX – nachala XXI veka” [“‘The Cherry Orchard’ by A. P. Chekhov in Russian Poetry of the Second Half of 20th – Early 21st Century”]. *Posledniaia pësa Chekhova v iskusstve XX–XXI vekov* [Chekhov’s Last Play in the Art of 20th–21st Centuries]. Moscow, A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum Publ., 2016, pp. 172–178. (In Russ.)

Bondarev, A. G. “Mifologema ‘Vishnevyy sad’ v poezii Timura Kibirova” [“Mythologeme ‘The Cherry Orchard’ in the Poetry of Timur Kibirov”]. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia*, vol. 3, no. 5, 2017, pp. 49–53. (In Russ.)

Vinogradova, E. Iu. “Gibel’ simvola (vishnevyy sad: real’nost’ i simbolika)” [“The Death of the Symbol (Cherry Orchard: Reality and Symbolism)”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 1 (6), 2008, pp. 166–175. (In Russ.)

Gordovich, K. D. “Obrashchenie sovremennykh avtorov k motivam ‘Vishnevoogo sada.’” [“Appeal of Modern Authors to the Motifs of ‘The Cherry Orchard.’”] *Chekhovskie chteniia v Ialte* [Chekhov Readings in Yalta], issue 23: Izuchenie chekhovskogo naslediiia na rubezhe vekov: vzgliad iz XXI stoletiiia [Study of Chekhov’s Heritage at the Turn of the Century: a View from the 21st Century], ed. by O. O. Pernatskaia. Simferopol, IT “ARIAL” Publ., 2019, pp. 122–131. (In Russ.)

Dimitrov, L. “VSE-VYSHNEVYI SAD” [“ALL-CHERRY ORCHARD”]. *Chekhoviana. “Zvuk lopnvshei struny”: k 100-letiiu pësy “Vishnevyy sad”* [Chekhoviana. “The Sound of a Burst String”: To the 100th Anniversary of the Play ‘The Cherry Orchard’]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 391–399. (In Russ.)

Dolzhenkov, P. N. “Kak priiatno igrat’ na mandoline!”: o komedii Chekhova “Vishnevyy sad” [“How Pleasant it is to Play the Mandolin!”: On Chekhov’s Comedy “The Cherry Orchard”]. Moscow, MAKS Press Publ, 2008. 184 p. (In Russ.)

Kataev, V. B. “Vishnevyy sad kak element natsional’noi mifologii” [“The Cherry Orchard as an Element of National Mythology”]. *Chekhoviana. “Zvuk lopnvshei struny”: k 100-letiiu pësy “Vishnevyy sad”* [Chekhoviana. “The Sound of a Broken String”: To the 100th Anniversary of the Play ‘The Cherry Orchard’]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 9–18. (In Russ.)

Kuzicheva, A. P. “Otvuk ‘lopnvshei struny’ v poezii ‘serebrianoogo veka.’” [“The Echo of the ‘Broken String’ in the Poetry of the ‘Silver Age.’”] *Chekhoviana* [Chekhoviana], issue 5: Chekhov i “serebrianyi vek” [Chekhov and the “Silver Age”]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 138–149. (In Russ.)

Larionova, M. Ch., and N. E. Tropkina. “‘Chekhovskaia dekoratsiia’: ‘Vishnevyy sad’ v russkoi poezii XX – nachala XXI veka” [“‘Chekhov’s Scenery’: ‘The Cherry Orchard’ in Russian Poetry of the 20th – Early 21st Century”]. *Slavica Debrecen*, vol. 49, 2020, pp. 75–82. (In Russ.)

Ramazanova, G. G., and A. A. Faizrakhmanova. “Moi vishnevyy sadik’ A. Slapovskogo: sovremennaia transformatsiia chekhovskoi dramaturgii” [“My Cherry Orchard’ by A. Slapovsky: Modern Transformation of Chekhov’s Dramaturgy”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 13, issue 5, 2020, pp. 53–56. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.10> (In Russ.)

Rusakova, E. “A. P. Chekhov. ‘Vishnevyy sad’.” [“A. P. Chekhov. ‘Cherry Orchard’.”] *Literaturnaia ucheba*, no. 5, 1986, pp. 165–177. (In Russ.)

Sasaki, T. “Mak i vishnia v ‘Vishnevom sade’.” [“Poppy and Cherry in ‘The Cherry Orchard’.”] *Chekhoviana*. “Zvuk lopnvshei struny”: k 100-letiiu pësy “Vishnevyy sad” [Chekhoviana. “The Sound of a Burst String”: To the 100th Anniversary of the Play “The Cherry Orchard”]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 543–553. (In Russ.)

Skorokhodov, M. V. “Sad edemskii — usadebnyi — dachnyi v russkoi literaturnoi traditsii” [Garden of Eden — Estate — Dacha in the Russian Literary Tradition]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 69, 2023, pp. 248–256. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-248-256> (In Russ.)

Tropkina, N. E. “Khudozhestvennaia semantika dachnogo toposa v russkoi poezii vtoroi poloviny XX veka” [“Artistic Semantics of the Dacha Topos in Russian Poetry of the Second Half of the 20th Century”]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (68), 2012, pp. 128–132. (In Russ.)

Iarko, A. N. “Sud’ba vishneвого sada v pëse L. E. Ulitskoi ‘Russkoe varen’e’.” [“The Fate of the Cherry Orchard in the Play ‘Russian Jam’ by L. E. Ulitskaya”]. *Posledniaia pësa Chekhova v iskusstve XX–XXI vekov* [Chekhov’s Last Play in the Art of 20th–21st Centuries]. Moscow, A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum Publ., 2016, pp. 166–171. (In Russ.)